

ПУБЛИЦИСТИКА

Алексей КУРИЛКО

«СВЕЧКА» ЗА ЗДРАВЬЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Эссе

1

Начну я, пожалуй, с одной для многих спорной, а как по мне, то предельно ясной, безусловной и уже привычной до тривиальности мысли. О чём бы или о ком бы автор ни писал, он всегда пишет о себе. Пишет о себе всегда независимо от темы. А когда умышленно и довольно честно старается этого избежать, то ещё эффективнее достигает обратного результата и рассказывает о себе намного больше и правдивее, чем когда трудится над мемуарами или пишет автобиографическую прозу, нескромно демонстрируя размеры персональной искренности.

К примеру, мы никогда не узнаем, каким был Максим Горький, если будем читать книги о нём. В многочисленных монографиях и очерках о Горьком мы знакомимся не с ним, а с тем, каким его видят, а вернее, каким его себе представляют: Павел Басинский, Лидия Спиридонова, Дмитрий Быков, Владимир Баранов и прочие авторы подобных литературных произведений. Ещё менее правдивый портрет Горького мы увидим, читая то, что он написал о себе сам. Лучше и яснее всего мы узнаём самого Максима Горького тогда, когда тот пишет о других. И это почти со всеми классиками так. Советского Буревестника, напоминая, я взял для примера, без всякого подтекста. С тем же успехом я мог бы привести в пример и Льва Толстого. Но ведь у классиков так получалось неосознанно, не нарочно. И с современниками классиков – та же история. Вот как мою мысль задолго до моего рождения (О, будьте прокляты те, кто наши мысли высказывает раньше нас!) подтверждал Бенедикт Сарнов, вспоминая книгу «Русские писатели 19 века о Пушкине»: «Читатель, прочитавший эту книгу, вряд ли мог составить сколь-нибудь ясное представление о Пушкине. Образ великого поэта в ней распадается, дробится на разные, иногда совсем не совпадающие, никак не складывающиеся картинки <...> Но зато облик каждого из авторов этого произвольно составленного сборника встаёт перед нами с поразительной чёткостью и определённой. Высказав в той или иной форме то, что он думает о Пушкине, каждый из высказавшихся удивительным образом выставил самые тайные глубинные свойства своей личности».

Учитывая всё вышесказанное, хочу сразу предупредить читателя о том, что данное эссе написано обо мне. А точнее, если позволите, о моём отношении к самому выдающемуся на сегодняшний момент роману русской литературы двадцать первого века. По сути, это единственный роман из написанных за последние двадцать пять лет, к которому можно смело приставить эпитет «гениальный». Во всяком случае, со времён развала советской империи ничего грандиознее и монументальнее этого романа на всём постсоветском пространстве написано не было.

Предисловие моё, однако, затянулось. Весьма досадная оплошность с моей стороны. Ведь предисловие, по моему всегдашнему разумению, как и прелюдия к сексу, должно разжигать интерес, а не утомлять до полнейшей потери желания читать или, того хуже, и вовсе отвращать от перехода к основному тексту.

2

Итак, *Валерий Залотуха, роман «Свечка». (В 2 т.— М: Время, 2015)*

Его предыдущие книги неизменно вызвали заслуженный интерес. Они изданы и на родине, и за рубежом. Превосходная повесть «Последний коммунист» вошла в шорт-лист самой престижной литературной премии «Русский Букер». А фильмы по его сценариям («Рой», «Макаров», «72 метра») до сих пор помнят не только профессионалы от кино, но и миллионы зрителей.

Автор примерно двадцати сценариев художественных фильмов, среди которых призы российских и международных фестивалей, он был настоящим профессионалом своего дела. И был востребован даже в ту пору, когда кино на фоне всеобщего кризиса находилось в глубокой... задумался над подбором подходящего эвфемизма...э... критически запущенной ситуации. Не все фильмы по его сценариям становились шедеврами или громкими событиями. Сценарий в кино – как мясо для шашлыка, его наличие и свежесть ещё не гарантируют сверхидеального совершенства конечного продукта. Высокое качество фильма зависит от очень многих факторов. Но всё-таки он был на хорошем счету! А за сценарий к фильму «Мусульманин» Валерий Залотуха в далёком девяносто шестом году был удостоен премии «Ника».

И неизвестно, каких ещё заоблачных высот мог бы он достичь, продолжай он и дальше трудиться на ниве киноиндустрии. Но в том-то и дело, что Залотуха со временем всё реже использует для самовыражения киноречь, всё чаще обращается к прозе. В рамках сценария ему как художнику стало тесно. Даже в качестве режиссера (был и такой опыт) он не получал удовлетворения. Его окончательный переход к прозе закономерен. Ему уже давно было что сказать людям, но между автором сценария (фильма) и людьми (зрителями) слишком много посредников. А автор прозы всегда говорит с читателями напрямую.

Не случайно в одном из последних своих интервью Залотуха сказал, что больше не пишет сценариев и в кино работать не хочет. А ещё он сказал:

«Хорошее кино люблю смотреть, но участвовать – нет. Прошёл как-то мой фильм по старому сценарию — «Платки». Сценарий хороший, а кино безобразное. Уж лучше сидеть на шее у жены и писать прозу, чем так позориться. Я уже понимаю, когда приходит ко мне режиссёр, что он не сделает хорошее кино. Я не хочу себя обманывать, как та женщина, которая себе внушает: со всеми он был плохой, но я его исправлю, он бросит пить и будет добрый. У меня уже не тот возраст для самообмана».

Да, это не просто слова. Последние годы он совсем нигде не работал. Только за письменным столом. Материальные заботы легли на хрупкие плечи верной второй половины.

Сделав нелёгкий выбор, Залотуха сел за написание, как ему казалось, главной книги своей жизни...

3

Приступая к чтению этого монументального произведения, объёмом равного «Тихому Дону» (почти 1700 страниц), я был уверен, что роман хороший и ему грозит небывалый для нашего времени успех. Однако я ошибся. И это стало понятно уже в процессе чтения. Когда же по прошествии одиннадцати дней роман был прочтён практически запоем, я убедился, насколько мой прогноз неверен. О какой угрозе бешеного успеха этого романа я лепетал? Наивный! Угроза – мягко сказано! Этот роман был обречён на успех. Опять осторожничаю... Пора иметь смелость писать максимально откровенно: писать так, как думаю. Роман обречён на славу и бессмертие.

Однако как ни поразительно будет звучать моя мысль, но следует признать, что и бессмертие имеет свои границы. Это раз. За бессмертие обычно расплачиваются жизнью. Это два. Второго, впрочем, автору уже можно не бояться. К сожалению, Валерий Залотуха работал над романом долгих двенадцать лет. И в последние два года здоровье его начало подводить. Но это был его далеко не первый опыт, и он понимал – торопиться не следует. Перфекционист по натуре (это я узнал от тех, кто лично был знаком с Залотухой), он на сей раз особенно старательно работал над рукописью. Он хотел, чтобы этот роман был абсолютно идеальным. (А какой хороший автор этого не хочет?) Но одно дело желание, а другое – ежедневный труд и тщательная работа над словом...

Когда роман только-только вышел, популярный ныне критик Дмитрий Быков, давая интервью, приуроченное к презентации «Свечки», сказал, что книга хорошая даже на уровне языка, что это великая книга о большой русской душе, что роман «Свечка» идеален и после

«Свечки» сценарии Залотухи — даже «Макаров», даже «Мусульманин» — рискуют навеки оказаться в тени его страшной и насмешливой прозы. А в конце интервью добавил: «Я очень надеюсь, что большой успех этой книги — и сам её объём — не раздавит автора и поможет написать ему ещё что-то. Хотя это бузусловно и главная книга автора, но дай Бог не последняя».

Всё это Быков сказал в конце ноября. А уже в начале февраля, то есть спустя два месяца, Валерия Залотуха не стало. (Его не было и на самой презентации. Он уже к тому времени лежал в больнице.) Умер Валерий Залотуха 9 февраля 2015 года...

И как-то сам собой напрашивается вывод, что история автора и его творения отнюдь не случайна и что во всём этом чувствуется Божья воля, которая двенадцать лет оберегала автора, придавала ему сил, а когда роман, угодный Богу, был окончен, когда автор завершил свою святую миссию, то Всемилостивый и Всемудрый Небесный Владыка прибрал к себе того, кто заслужил не только покоя, но и Света, дабы уберечь его от соблазнов и злоключений, что обычно случаются с теми, кто создаёт нечто великое и грандиозное...

Писатель прожил шестьдесят лет, двенадцать из которых были полностью посвящены работе над главной книгой его жизни. Он успел увидеть книгу изданной и благосклонно принятой друзьями, коллегами, критиками... И сразу после этого умер.

Кто-то искренне пожалеет ушедшего в мир иной, моё же сердце наполнено не состраданием, а какой-то светлой со-радостью: как по мне — весьма завидная судьба для писателя.

4

Грамотно и ловко скроенная остросюжетная ткань массивного романа с первых же страниц разворачивается перед взором заинтригованного читателя чередой жутких, стремительно сменяющих друг друга событий, постоянно прерываемых то неспешными размышлениями главного героя, то его воспоминаниями или комментариями либо того, что с ним происходит сейчас, либо того, что с ним случилось когда-то. В такой манере сотворена первая часть. Поначалу речь ведётся от первого лица, потом история рассказывается от третьего лица, а затем от второго... Всё это помогает опытному автору менять угол зрения. Это мудро. Мы то следим за происходящим глазами героя, то глядим уже на самого героя и происходящее с ним со стороны, но издали, чтобы потом приблизиться к нему вплотную и рассматривать его уже глазами всезнающего автора. А есть даже огромный фрагмент книги, когда главный герой вообще исчезает из поля зрения и кажется, что исчезает навсегда...

Столь же умышленно и столь же эффектно Залотуха лихо переплетает с основной линией главного героя многочисленные линии второстепенных и даже эпизодических персонажей.

А каждая из четырёх частей имеет своё приложение: поэтическое, прозаическое, эпистолярное, сказочное.

Такая бесконечная смена жанров, стилей, планов, событий, лиц, голосов, настроений позволяет роману несмотря на многословность, держать не только читательский интерес, но и читательское внимание, а второе для умной книги не менее важно, чем первое.

5

А ведь фабула романа проста. Тихого столичного интеллигента, ветеринара по профессии, добропорядочного и законопослушного гражданина Евгения Золоторотова однажды вечером в центре города задерживает оперативная группа захвата специального назначения и без всякого объяснения заключает в тюрьму. Вся операция по захвату снимается и транслируется по центральным телеканалам. Только по прошествии трёх суток Золоторотов осознаёт, что из него пытаются «сделать» сексуального насильника, маньяка-педофила. Ложное обвинение. Сфабрикованное дело. Затем побег. И снова тюрьма. К концу следствия уже не только весь город, но и вся страна верит в виновность подозреваемого. Все, кроме единственного друга главного героя, включая мать, жену и дочь, отворачиваются от Золоторотова. Дальше суд. Приговор. Этап. Лагерь. Многолетнее гниение заживо в отряде опущенных, встреча нового века, и всё это буквально и в переносном смысле по колено в человеческом дерьме.

Последняя интрига после всех этих «выпустят — не выпустят», «докажут — не докажут», «выживет — не выживет», как и в книге Иова: отречётся ли от своего Бога тот, кого обрекли на

такие кошмарные хождения по мукам? Ведь он, уже лишённый свободы, семьи, чести, достоинства, надежды, имени, лишённый даже права на веру, протащенный через все мыслимые и немыслимые страдания, он уже вопрошал, подобно тому же многострадальному Иову: «За что, Господи?! За что?!»

По признанию самого автора, первоначальный замысел книги – «один хороший человек пошёл однажды защищать демократию и встретил Бога» – в процессе работы над книгой расширился до «человек пошёл однажды защищать демократию и встретил Бога, а Тот его чуть не уничтожил».

Путь от авторского замысла, пусть и расширенного, до окончательного воплощения извилист и долог. Шло время. За двенадцать лет в жизни автора многое изменилось. Изменился и сам автор. Но, судя по эпилогу, Залотуха и сам не до конца понимал, что за книгу он написал.

Да и нам ещё только предстоит в этом разобраться. В меру наших скромных сил и разумения.

Пока же мы – те из нас, кто прочёл «Свечку», – сходимся в одном: Валерий Залотуха написал великую книгу. И страшную.

Тут бы мне хотелось привести слова Андрея Дмитриева. Уж очень в точку они! Ах, что за строчка – точно в точку бьющие слова! (Мгновение самолюбования, и двигаемся дальше!) Андрей Дмитриев: «Страшная книга, исполненная надежды. И праздник свободы и ума... Смерть Валерия – горе и боль для его близких и друзей и катастрофа – для России. Уж автору «Свечки» было бы что сказать соотечественникам, попавшим в чудовищную западню, и все бы поняли его – но при условии, что они «Свечку» прочли».

Отлично сказано! Согласен со всем, кроме последнего предложения.

Валерий Залотуха своим романом «Свечка» уже всё соотечественникам сказал. И кое-кто из его соотечественников, прочитав роман, всё прекрасно понял... Но в том-то и печаль, что поняли далеко не все, а лишь кое-кто...

6

Критики и журналисты, высказавшиеся по поводу романа «Свечка», невольно допустили две серьёзные ошибки независимо от того, понравился им роман или нет. (Слово «ошибка», впрочем, в данном случае совершенно неуместно. Заменим его словом «заблуждение».) Первое заблуждение касается твёрдого убеждения, будто роман о девяностых. Формально действительно роман возвращает нас в те лихие времена глобальных перемен. Но если вдуматься, то и сама Россия во многих аспектах возвращается к тому периоду. Да и так ли велики перемены в стране, которую главные герои романа – два друга: Евгений и Герман – называют Абсурдистан? СССР развалился на отдельные государства. Но и в России, и в Украине, и в Белоруссии, и в ряде других бывших республик некогда существовавшей империи мы видим признаки Абсурдистана.

Так спросим же себя честно: разве «Свечка» освещает Россию девяностых? Нет, мои пытливые и любознательные друзья! Основная часть действия романа Валерия Залотухи происходит в Абсурдистане. Время действия не имеет никакого значения. Поскольку в Абсурдистане со временем ничегошеньки не меняется.

Дабы избежать обвинений в голословности и бездоказательности громких заявлений, спешу продемонстрировать несколько примеров из романа, наглядно иллюстрирующих мои слова.

«Так и живём – от кампании до кампании! Абсурдистан... И тут ты, старик, прав: в России можно поменять общественную систему на сто восемьдесят градусов, но это ничего не изменит. Люди-то остаются те же, людей-то не поменяешь. Беги, Гера, беги! А кампания кончится – вернёшься. Они у нас бурно начинаются, но быстро скисают. Строгость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения!»

Или вот. Герой требует вернуть ему его часы.

« – Часы? – спросил Хворостовский, полуобернувшись и глядя искоса на мента. Того ещё сильней перекосило.

– Да я побоялся в сейф положить, украсть могут... – мент бормотал ещё что-то невразумительное, пока снимал со своей руки мои часы.

Я невольно усмехнулся: ну разумеется, в милиции – и из сейфа могут украсть».

В отделении милиции какого города мог происходить такой диалог? Москвы? Киева? Минска? Кишинёва? Какая разница! В столице Абсурдистана, а равно и в любом другом городе этой огромной и ужасной страны.

А лексика правоохранительных органов, которая почти полностью впитала в себя уголовный жаргон? А почему? Да потому что представители правоохранительных органов хотят быть похожими на тех, с кем призваны бороться, а порой те и другие легко взаимозаменяемы. Это ли не явные признаки Абсурдистана?

Только в Абсурдистане те, кто стоит на страже законов, ежедневно и безнаказанно эти самые законы нарушают.

Вы же и сами это знаете!

Только в Абсурдистане самым святым считается тот, кто грешит непрерывно!

Только в Абсурдистане поверить в Бога мешают те, кто должен помогать обрести веру в Бога.

И прочее, и прочее, и прочее...

7

Я вот написал, что Россия возвращается к девяностым. Но ведь в каких-то вопросах на самом-то деле Россия идет назад в прошлое ещё глубже. Залотуха об этом прекрасно был осведомлён. Он это видел и понимал.

Вот вам ещё фрагмент другого диалога, но не из романа, а из того последнего, или одного из последних, интервью. Он говорил о том, что неснятых сценариев у него очень много, но хоть они и неплохие, но... И тут он слегка замялся и сказал:

«– Сейчас ведь ещё возникает и новая цензура.

- Цензура? Я не ослышалась?

- Цензура, конечно. Вам просто говорят: «Ну не надо это сейчас». Понимаете?

- То есть вы полагаете, что к цензуре мы вернулись?

- А вы об этом не знаете?

- Ну у нас в провинции немного иначе, не так остро.

- Конечно, абсолютной цензуры нет. Но когда, например, режиссер Андрей Прошкин пришел к Карену Шахназарову — руководителю «Мосфильма», и принес мой роман «Последний коммунист», тот его бросил и сказал, что даже читать не будет. Коммунисты у нас сейчас — уважаемая партия, коммунисты будут против».

Но история с «Последним коммунистом» случилась несколько лет назад. А интервью он давал в конце 2014 года. Он знал, что ситуация с тех пор ухудшилась значительно.

А сам диалог? Такой диалог мог прозвучать только на территории Абсурдистана. Вдумайтесь! Писатель сообщает журналистке о том, что в стране действует цензура, а та искренне удивляется! Господи, да это так же смешно, страшно и абсурдно, как и сцена из романа, когда без пяти минут генеральный прокурор страны Сокрушилин, который сокрушит, в прямом и переносном смысле, любого, кто станет на пути его карьерного роста, допрашивая предполагаемого маньяка, поёт ему под гитару романс, заканчивающийся словами «И в небесах я вижу Бога», и ложнообвинённый подследственный благодушно верит, что в этот момент Сокрушилин действительно видит Бога!

Ну не абсурд ли?!

Нет, какой абсурд? Нормальная, вполне жизненная для наших постсоветских государств ситуация.

Я без иронии уже пишу это. Точнее, пишу серьёзно, лишь с едва заметным оттенком горькой иронии.

8

Переходим ко второму всеобщему заблуждению, связанному с романом «Свечка».

Зная, что автор имеет ясное представление обо всём, что происходит в его стране, было бы глупо всё написанное в романе понимать буквально и верить, будто в авторских отступлениях Залотуха открыто делится, как сказал герой моей давней новеллы, «паспортными данными души» (уж простите за самоцитирование!), без всякого подтекста! Тем более что автор имеет явную склонность к притчам.

Возьмём, к примеру, третью часть романа, в которой начальник исправительно-трудового лагеря (по-лагерному «Хозяин»), убеждённый атеист по фамилии Челубеев пытается избавиться от отца Мартирия, настоятеля храма, оттяпавшего у лагеря огромный кусок территории. Да что там территория! А ээки, потянувшиеся к храму и православной вере? А родная жена Светлана, к которой Челубеев обращается просто «Свет» и которая, принадлежа всем телом мужу, всей душой потянулась к батюшке, приняла крещение... И вот Челубеев, Хозяин, снедаемый не только идеологической ненавистью, но и – страшно сказать – ревностью, предлагает Монаху поучаствовать в спортивном состязании с ним. Они даже заключают пари, в результате которого победивший ничего не выигрывает по большому счёту, зато проигравший теряет всё: влияние, уважение, репутацию...

И дураку ясно, а с ним и ежу понятно, что это притча, полная символических смыслов, рассказанная современным языком, увлекательно, подробно, о Великом Противостоянии Богатырей – Власти и Религии – за абсолютное влияние на все русские земли и народ!

И сошлись в смертельной схватке Власть и Религия! И наблюдали за той схваткой и заключённые, и охранники, и друзья Челубеева – его заместитель Шалаумов (в романе Залотухи все фамилии говорящие!), то есть зам, и начальник оперчасти Нехорошев, то есть кум (по-лагерному), и все их жёны, имеющие одно отчество – Васильевна – на троих. Но Челубееву (а его отец, кстати, почти что сам Маркс, ведь он Марат Марксенеович) важно, за кого будет болеть его любимая, Светлана Васильевна, его Света... А Света, разрываясь между отцом Мартирием и отцом её детей, в ночь перед состязанием устраивает такую ночь любви своему мужу, о которой тот и мечтать боялся: «Было и по-тихому, и по-громкому, и по-всякому»... И только в самый кульминационный момент, когда они, поднимая гири, шли с Монахом вровень, «ноздря в ноздю», Хозяин вдруг озарился страшной мыслью о том, что со стороны Светы это была диверсия, чтобы ослабить его, силы его лишить!.. Это предательство подкосило Власть. Духовно. Но физически Власть не сдавалась. И Религия (не вера!) боролась до последнего, хотя на Свету ей было плевать. Религия вела борьбу не за души, души ей не принадлежат, а всё-таки за влияние на всё и на всех – народ, землю, эту же самую Власть, привыкшую за последние сто лет управляться в своём хозяйстве без Религии...

Всё это легко читается и легко прочитывается. Но исключительно потому что здесь, в третьей части, автор даёт нам отдохнуть от основной сюжетной коллизии и словно играет в поддавки, намекает на что-то.

Здесь ларчик просто открывается. Настолько просто, что за вторым дном ищешь третье, а там и четвёртое... Но, может, эта огромная часть романа работает ещё и примером для последующего правильного прочтения дальнейших глав и эпилога, а также это знание даёт ключ к правильному пониманию предыдущих, уже прочитанных, частей.

Мне скажут: тут ты, братец, уже перегибаешь. Это тебе не Булгаков, не «Мастер и Маргарита», где автор зашифровал послания то ли к потомкам, то ли к властям, то ли к потусторонним владыкам мира сего. Уверяю вас, в «Мастере и Маргарите» не то что не больше тайн, чем их находят любители скандальных интерпретаций, а в разы меньше. И уж если Залотуху можно считать продолжателем великой плеяды гениальных художников русской прозы – от Толстого до Чехова, – то кто вам сказал, что советская, а равно и антисоветская проза не является продолжением великой русской? Можно сравнивать и с Булгаковым, и с Шолоховым, и с Шукшиным... Об этом Залотуха тоже кричит, когда его герой восстаёт и негодует против статьи литератора Молофеева, за которым легко угадывается Виктор Ерофеев, о гибели советской литературы. А равно и русской. Ведь Золоторотов и его мать, Твёрдохлебова, не отделяли одну от другой. И это явно твёрдая позиция самого Залотухи!

К слову сказать, я с ними абсолютно согласен. Мы же не говорим о соцреализме производственного романа. И в русской литературе, и в советской были и бездари, и откровенные халтурщики. Но после падения советской власти отметить, хоронить, предавать забвению всю советскую литературу – значит совершать ту же роковую ошибку, которую после установления советской власти совершили радикально настроенные литераторы, и Маяковский с

ними. Они требовали выбросить за борт современности Пушкина, Тургенева, Толстого, Достоевского... Маяковский и его литературное наследие переживают ныне такой же страшный период. И он его переживёт более-менее благополучно. Ибо, несмотря на его влюблённость в революцию, несмотря на его «идейность», это был хороший поэт, настоящий. Вернутся к нам, да и не уходили никуда, сколько бы их ни хоронили, и Горький, и Маяковский, и Катаев, и даже Алексей Толстой, хотя, казалось бы, последние двое – уж вот где конформисты: всегда, имея дарование, умели тонко чувствовать, как и о чём писать, не особенно рискуя одновременно и репутацией литератора, и гражданской позицией. Другие обычно в подобной ситуации чем-то жертвовали. Олеша замолчал, Фадеев пожертвовал и до того не мощным дарованием, Мандельштам вначале выбрал призвание, но после давления был сломлен, пожертвовал любовью к истине, написал то, чего от него требовали, но дар не облагодетельствовал его «правильные» стихи о Сталине, и тот это почувствовал (чуть не написал: «унюхал»). Так ведь от тех дифирамбов Сталину откровенно несло тухлятиной). Поэт поплатился жизнью. Но и не тронь его тогда безжалостная государственная машина смерти, он бы всё равно умер. Как умер знаменитый «литературный волк», загнанный в западню, вынужденный так же написать без «божьей искры» пьесе «Батум» о Сталине. Булгаков верил, что он «мастер». Захочет – напишет. Вынудили. Захотел, хоть и без всякой охоты. Не то! Сталин учуял! Не тухлятина, конечно, но и не мясо вовсе! Вегетарианская штучка! И безвкусная, как трава!

Нет, Мастер не был «мастером»! Потому что мастера прозы, мастера поэзии – они есть, их много, а гениальных творцов – единицы. Власть их терпит, если эти единицы работают на миллионы! Но если идут против миллионов, против его – Власть – миллионов поклонников или рабов, тогда единица стирается в ноль! Беспощадно! С ноликом и то полезнее и выгоднее! С ними можно играть в крестики-нолики! И Власть всегда заранее знает, что победит...

9

Валерий Залотуха попытался (и ему удалось!) возродить традицию русского романа. Но, двенадцать лет работая в тиши кабинета, вдали от богемной столичной суеты, он, повторяю, превосходно понимал, куда ведут народ, а именно, дав передохнуть, из одной кабалы уводят в другую. И он писал свой роман не как исповедь, а как роман-завещание. Вот и вывел он героя, что, защищая демократию, встретил Бога, но удивлялся, что у демократии Бог не истинный и такой Бог может изувечить. Ведь о том, что Бог его – героя – чуть не уничтожил, автору говорит в эпилоге герой! А кто он – его герой?

Вот мы и приближаемся к самому интересному!

10

Многие уверены, что герой и автор – одно лицо. Такое частичное (уже третье) заблуждение вытекает из предыдущего заблуждения (второго), о котором я вам ещё не сообщил.

Все или почти все убеждены, что главный герой ясен и не нуждается в рассекречивании. Но при этом – вот что забавно – каждый видит нечто неуловимо знакомое. И скоро станет понятно, отчего так!

А сколько образов он напоминает каждому читателю во время прочтения романа! Тут тебе и князь Мышкин. И Алексей Карамазов. И уже надоевший образ «маленького человека» Гоголя и того же Достоевского. И Пьер Безухов, на коего Золоторотов и сам бы мечтал походить.

И уж, конечно, внимательно – может, даже чересчур внимательно, ведь мы привыкли, что в эпилоге, да ещё и от автора, истина сочится сквозь поры текста – прочитав эпилог, а затем, припомнив эпиграф, критики хором, или один за другим, заголосили: это многострадальный Иов! На новый лад! Или же на старый, но перемещённый на фон нашей страны конца XX – начала XXI веков.

И я – заметьте – не говорю, что это не так!

Опля! А в чём же заблуждение?

Терпение, мой друг, терпение!

Напомню, кстати, первый эпиграф: «Был человек в земле Уц». Книга Иова.

Из всей книги Иова он выбирает именно это предложение!

«Был человек в земле Уц».

Чтобы задать тон повествованию, вполне достаточно, достаточно просто дать курс поиска, «умному достаточно», но вопросы рождаются не у тех, кто умён или глуп, а у тех, кто хочет знать ответы, а глупец не хочет уметь, ибо по глупости своей не подозревает о своей глупости, а умный не так уж глуп, чтобы их задавать, он знает, что умён, то бишь не Сократ, стало быть...

Я никого не критикую. Никого не нахваляю. Я размышляю. Надеюсь вместе с вами.

Давайте не спешить с выводами!

Дабы натолкнуть нас на Иова, можно было взять и привести лучший пример совпадения между Иовом и Золоторотовым. Ну, к примеру, «На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?». Отлично бы подошло. Но нет. Именно «Был человек в земле Уц».

Это, как говорит акунинский Фандорин, р-раз!

И чтобы провести параллель, есть более подходящие совпадения.

Это д-два!

Но не на страданиях акцентирует наше внимание Залотуха. А на человеке. «Был человек в земле Уц»!

Кто этот человек?

Да ясно кто! Так утверждает в раздражении критик. Главный герой, ветеринар Золоторотов!

Но тогда вопросов становится ещё больше!

Вы заметили, что автор в эпилоге подробно рассказывает о постепенном отдалении от героя романа? Полагаете, случайно?

А заметили ли вы, что помимо одного эпитафия есть ещё и второй? «Слаб и робок человек, слеп умом и всё тревожит». А. С. Пушкин.

«Слаб и робок человек, слеп умом и всё тревожит». Гм... О ком это? Тоже о нём, о Золоторотове?..

11

Не злитесь! Прерву сам себя! Одна исключительно важная мысль уже терзала меня на страницах этого эссе или очерка, терзала, но не была выражена мною до конца. Это быстро!

Не только третья часть «Свечки», но и весь роман в целом насыщен огромным количеством символов, смыслов, аллюзий, мотивов то прошлого, то настоящего времени, прямых и скрытых отсылок к Пушкину, Гоголю, Достоевскому, Чехову и Толстому.

О, для литературоведов «Свечка» – точно Клондайк для золотоискателей.

Однако покамест же нынешние критики, говоря о романе, берут то, что лежит на поверхности, глубоко не копая. То, что подсовывает им Валерий Залотуха.

12

Но вспомните, сколько раз в начале, ведя речь от первого лица, автор, говоря от имени героя, водил нас за нос. Будучи часто, естественно, обманут самим собой. Сперва мы уверены, что Золоторотов смотрит телевизор и видит, как производят захват преступника. Спустя полстраницы мы узнаём, что ему это привиделось в полудрёме, это его, Золоторотова, взяли и поместили в КПЗ. Затем мы узнаём, что героя дома ждут любящие жена и дочь, они ждут, они волнуются, а ещё что у него есть любовница, хорошая девушка, и они любят друг друга... Со временем, и уже не всегда от героя, мы узнаём, что и жена не любящая, и любовницы никакой нет, а та, что есть, совсем ему не любовница, и уж совсем не приличная, а наоборот, весьма неприличная, тем и живёт... Но это не важно! Мы сопереживаем ему, герою, ведь он тут сидит, потому что друга спасает, за него, за единственного друга, сидит, и готов сидеть трое суток, пока тот не свалит в Америку... Скоро выяснилось: свалил друг, укатил, смылся, спасся друг... И тут же узнаём, что никуда тот не укатывал, а борется за его – Золоторотова – освобождение, и сидит Золоторотов не за друга, взяли именно его – тихого, добропорядочного мужа, отца и гражданина...

Автор умело нас обманывает, а затем услужливо просвещает... Не сразу... Но всегда...

Автор желает, чтобы мы знали истинное положение дел. Чтобы мы познали истину. Но пока он не раскрывает всех карт, мы ни о чём и не догадываемся.

Всё это работает на жгучий интерес к роману. Безусловно!

Но разве роман «Свечка» чисто развлекательное чтение? Полноте! Такой глубокой книги давно не было! Как минимум с «похорон советской литературы», а как максимум... Ладно, не будем!

Автор ведёт себя как профессиональный иллюзионист. Показывает нам одно, а потом выясняется другое. А фокусник ещё и объясняет, как так вышло и почему.

Со временем мы перестаём верить всему, что нам рассказывает Евгений Золоторотов, мы сами пытаемся понять, как обстоит дело в реальности. Не потому что Золоторотов нам лжёт, а потому что уже привыкли, «допетрили» наконец: Золоторотова самого вечно обманывают, хуже того, он сам себя часто обманывает, он так устроен, он всё видит сквозь пелену, он доверчив, наивен, он «чистая душа»...

И это ещё не всё. Нас двести страниц обманывают, затем пытаются развеять любой обман, а за ним следует другой обман... Автор не случайно начал роман от лица Золоторотова. Так может, он ещё и учит нас не верить всему, что мы видим и что нам говорят... И не важно, кто говорит – плохой человек или чистосердечный, светлый, добрый Золоторотов...

Нас учат не верить всему, что нам преподносят как чистую монету. А также учат думать самим. Думать, чувствовать, ощущать, прислушиваться к своей душе...

Важно? Необходимо! Это необходимо, полагает автор, для его читателя! Иначе не увидят, не поймут, не примут того, что должен понять человек... «Я не слова, я то, что за словами». Тут тоже часть истины!

13

Продолжим!

«Слаб и робок человек, слеп умом и всё тревожит». Откуда это? Ну Пушкин, да! Из набросков. Хотел использовать для «В подражании Корану». Тоже священная книга. Не Библия. Коран! Библия для мусульман. Там много похожего. Но не один в один. А тут ещё и подражание. Вот вам первый намёк!

Что? Какой намёк? Второй эпитафия лишь дополняет первый! Дополняет! Но указывает на иной источник!

Да и кто слаб и робок? Золоторотов? Боже упаси! Да столько силы и отваги, как у него, – на десятерых хватит. Он, спасая друга, жертвует возможностью сразу же выйти на свободу. (Не важно, что он заблуждается, он, заблуждаясь, искренне верит!) Защищая честь женщины, требуя извинений за оскорбление его любимой, он отказывается от немедленного спасения! В тюрьме, в камере, он защищает – один против всех! – сексота, стукача, зная, что и его тот уже «заложил», готов драться до смерти за человека, предавшего его и звание «писателя», самое высокое и почитаемое им звание! Он стойко проходит через все испытания и только раз, всего один раз совершает попытку убить себя, да не комфортно, если так можно выразиться, и традиционно, а расковыряв шариковой ручкой себе висок, дабы добраться до венозной вены. Один раз! Да и то узнав, что и дочь, и жена, и мать отреклись от него, как от прокажённого. Нет! Я не вижу слабого и робкого. Слеп умом – пожалуй... Но это вам не Башмачкин, слова боящийся, не говоря уже о крике. Такой не скажет: «Зачем вы меня обижаете?».

14

Так может, Золоторотов и не Иов? – спросите меня вы.

Золоторотов? Нет, не Иов.

Тот, если вы помните, верил в Бога, был богатым и уважаемым господином. А потом, когда его веру испытывали на прочность, он всего лишился. Друзей, любимых, родных, своих богатств, скота, затем здоровья... Всего!

Золоторотов ничего не потерял, попав в мясорубку судебного беспредела. Он ничего не лишился, кроме иллюзий.

Больше того! Он, пройдя все испытания, обрёл веру! И весь отряд «опущенных», которым в вере и в Боге служителями церкви было отказано, весь отряд к этому Богу привёл!

Да как же так? – возмутится читатель.

А вот так!

Чего лишился Золоторотов после того как его жизнь полетела вверх тормашками? Свободы? У него её никогда не было! Он жил подневольным человеком! Сначала под пятой железной матери, потом под каблуком бездушной суки-жены! И супруги он не лишился! Потому что она всё это время принадлежала кому угодно, даже какому-то Ахмету из ларька, но только не ему! И дочь была не его! И не только биологически! Она пошла в мать и отца, а от человека, который её воспитывал, она ничего не взяла и с радостью написала ему в тюрьму, что ощутила счастье, узнав о том, что не он её отец. Такого и так ЕГО дочь никогда бы не написала даже врагу. И матери он не лишился, поскольку она давно от него отреклась, ещё до того, как заявила об этом официально.

Золоторотов, пройдя через все испытания, обрёл веру, узнал отца, познал истину, нашёл любимую женщину и создал семью, дав жизнь четверым детям...

15

А знаете, кто всё потерял? Его друг Герман! Стараясь вызволить своего друга, которого тоже был в результате лишён, он потерял свой бизнес, затем уважение друзей, а потом и самоуважение... Лишился всех денег, чуть не лишился ума, едва не лишив себя жизни, и как венец всех злоключений – потерял родину, был вынужден бежать за границу, где сразу же лишился имени, но взамен приобрёл другое, истинное имя. А с ним и веру в другого Бога!

Так что же, Герман – Иов?

Да нет, не похоже...

Ну, знаете ли... Это уже переходит всякие границы!

Так примерно подумал, вероятно, один из оставшихся читателей. Самый верный и стойкий!

Постой, читатель, не уходи! Я готов ответить на все твои вопросы. Спрашивай!

Хоть какая-то параллель с книгой Иова проводилась автором?

Отвечаю. Думаю, что да!

И объясню подробно свой ответ.

Иов – это сам автор.

Как? Тот самый, что материализуется только дважды – в середине романа и в самом финале, в эпилоге?

Нет, мой друг, автор присутствовал в романе с самого первого слова! Ведь я говорю о реальном авторе, а не об авторе-повествователе как одной из ролей.

Я говорю о Валерии Залотухе!

16

Возможно, чья-то история и была взята за основу для романа. Но в основном Залотуха явно делится собственным опытом духовного становления.

Помните, нас удивляло, что два таких абсолютно разных человека, как Евгений и Герман, могут дружить, да так крепко. Они ведь прямо из разных миров. Герман циничен, прагматичен, целеустремлён, любит всё материальное: дорогие машины, шмотки, баб... Ненавидит литературу! Читать принципиально не любит!

Другое дело – Евгений! Наивен, романтичен, сентиментален, честен, совестлив, добр... Для него нет ничего священнее романа «Война и мир». Он влюблён в литературу! И верит, что интеллигентный человек тот, кто прочёл великий роман Толстого. Бессребреник! Он более толстовец, чем сам Толстой. Но воспитан также и на советской литературе, которая учила чувствовать, любить, бороться и т. п. Он не верит в Бога. Но как-то он почувствовал сильное желание зайти в храм, в коем венчался с Гончаровой Пушкин, и поставить маленькую свечку. От всей души.

Вот такие разные друзья! Евгений и Герман. Как у Пушкина. Об этом Залотуха раза три-четыре упомянул. Как у Пушкина! Правда, у героя Пушкина Германн – это фамилия. А у Залотухи имя друга героя! А так-то оба похожи. Герман и Германн. Но маленький человечек Евгений из «Медного всадника» похож на Евгения Золоторотова. И оба готовы на подвиги!

Пушкин в болдинскую осень написал «Пиковую даму» и «Медный всадник». Разные, непохожие вещи. В прозе и в стихах. С очень разными героями. Но между ними есть общее. Оба терпят крах. Оба сходят с ума!

Евгений и Герман сошли с ума Залотухи. А свой ум он отдал своему автору. Который спорит порой со своим героем. Как часто разум противостоит душе. Ум за Достоевского, а душе ближе Толстой! А Герману читать некогда, он в погоне за материальными благами и душу потерял, и за ум никак не возьмётся.

Залотуха разделил себя на три части: материальную(или плотскую), духовную и интеллектуальную.

Может, я и перемудрил, но слишком много увидел я за словами романа – лицо, ум и душу самого Валерия Залотухи.

В романе есть коротенький диалог, когда встретились Золоторотов и Автор, весьма показательный. Автор кричит, увидев Героя:

«– Я к вам шел!

– А я к вам! – прокричал он и засмеялся».

Какие ещё нужны аргументы?

Вот автор вычитывает Золоторотова:

«Быть может, не без подсознательного влияния советской картографической школы ты слегка запутал свою карту, не обозначив на ней Трехпрудный переулок, чтобы не отвлекать на свидетельские допросы живущего там начинающего писателя, нервного и непоследовательного, похожего на опасную бритву в руке человека, который не знает, с какой целью её взял – побриться самому или кого-нибудь порезать, на языке уголовников – *пописать*».

Он когда начал писать, меньше всего заботился о материальной стороне. Я скоро подробней это продемонстрирую. И эта сторона его личности скоро исчезла и из романа. Ещё и половины романа не прошло. Герман написал Евгению прощальное письмо, и больше о Германе никто, кроме читателя, не вспоминал.

И вполне справедливо, что Залотуха – глубоко верующий человек – понял, что душа его была в темнице, пока не поверила в Бога, а после освобождения они встретились – ум и душа, и порой, а то и часто у них случаются конфликты, а вот физически он уже покинул ту страну, о которой теперь (то есть тогда) решил написать страшную-страшную правду. О той стране, о том беззаконии, о той грязи и подлости, которая окружала его самого, когда он не знал, не ведал истинной свободы!

17

Мы всегда вольны сами сделать свой выбор. Сознательно. На то нам и дан разум: сознательно делать свой выбор.

Залотуха мог стать циничным, прагматичным и приземлённым Герман(н)ом, хоть и «тронувшегося» уже, но который теперь всегда ставит на дам, а туза держит в рукаве. А мог прислушаться к душе, ведь мы-то знаем, бедного Евгения никакая стихия не сломит, и никакой гранит не раздавит, он – казалось бы, сущее ничто! – как и у Пушкина, потеряв всё, способен даже перед ликом смерти, сказать своё «Ужо тебе!», но не станет! И не побежит от беды и угрозы, но и за счастьем по головам не пойдёт, потому что давно сошёл с ума, он «чокнутый», «не от мира сего», он «идиот», тот которого Достоевский описывал, поглядывая на Христа, он будет стоять «за други свои», когда надо бежать, или будет безумно смеяться, и когда его топчут ногами, и когда приговаривают, по сути, к пожизненному заключению.

Один Человек был представлен в трёх лицах: Гера – с виду, сильный, настоящий мужчина, а на самом деле «слаб и робок», Евгений – могучая личность, но слеп умом, и Автор, которого «всё тревожит» - то проблемы Геры, то Евгения, то плоть, то душа.

Не Автор – персонаж и рассказчик страшной истории о загубленной жизни, но обрётённой веры, а реальный автор и создатель всего: и романа, и всех героев, в том числе и Автора. Именно он – Валерий Залотуха – повторил нелёгкий путь Иова.

Он ведь давно верил. С тех самых пор, как пошёл защищать свободу и встретил Бога. Ибо Господь всегда на стороне тех, кто становится на защиту чего-то или кого-то хорошего, становится даже тогда, когда знает – весь опыт всего человечества ему подсказывает – что их дело будет проиграно. Не сейчас, так потом. Не в миг, так – постепенно. Рано или поздно оно

будет проиграно, потому что - дело правое, а за правое дело людям становится неохота! За левое – охотно! – там и платят щедрее и вознаграждают быстрее, а за правое – мало того, что не платят, так порой и расплачиваться приходится.

Но Залотуха не мог не пойти на защиту правого дела. Тогда-то он и вступил на путь Веры. Но идти по этому Пути, никуда не сворачивая, тяжело, и с каждым днём всё тяжелее и тяжелее... А он ещё как-то посетил храм. Там его озарила идея будущей книги. Он взялся её написать, не подозревая, что это и станет испытанием на прочность...

18

А теперь без лишней патетики, без вычурных аллегорий и метафор.

Прямо и сердито. Коротко, ясно и просто. Если смогу.

Был уважаемым, знаменитым, преуспевающим сценаристом. Жил в центре столицы, работал со звёздами и мастерами «важнейшего из искусств», имел крепкий вес и доход в набирающем с каждым днём обороты мире киноиндустрии, а тут вдруг раз и – «Буря! Скоро грянет буря!» - нет, чтобы отклониться от предложенной свыше идеи, какое там! Взвалил на себя этот крест и понёс! Вскоре выяснилось, что «двум богам служить нельзя». И ведь понимал уже, что крест тот тяжёл, а путь далёк и нелёгок. Любой другой сделал бы «правильный» выбор: рыба ищет где глубже, человек, где лучше... Но нет!

Он же такой же, как Золоторотов! Он только кажется слабым и жалким тихоней. Да не такой же – как. Он и есть Золоторотов! Точнее, Золоторотов это его душа. А он такой же сильный! Тема «маленького человека» только имитируется. Чтобы прикрыть «лишнего человека». Неудобного в наше время. Мешающего всем! Он, как совесть, только и делает, что не даёт жить в кайф, удобно, легко, в своё удовольствие, как все живут... Затолкать бы куда подальше его! Как и совесть! А то и уничтожить вообще! Так не даётся ж, гад! Упирается! Живёт! Живучий...

Он необыкновенной мощи человек!

Залотуха писал, обращаясь к герою, напоминая ему, как Перегудова говорила Золоторотову:

«– У тебя ещё все будет, вот увидишь, будет, просто не может не быть!

– Что будет? – спрашивал ты, засыпая.

– Всё – любовь, жена, дети, всё, что захочешь... Потому что такой ты человек...

– Какой?

– Сильный... Просто сам об этом не знаешь...». («Свечка»)

Валерий Залотуха всё для себя решил. А настоящий человек от своего решения, если оно верное, не меняет, как бы ни было тяжело! Он ведь, как и его герой, учился жизни не только у русской литературы, но и у советской (и у хорошей советской, и у плохой)!

«Мама положила мне руки на плечи и, заглядывая в глаза, спросила:

– Вспомни, плакал ли когда Павка Корчагин?

– Нет.

– А Алексей Мересьев?

– Нет.

– Вот и твой отец тоже никогда не плакал! Запомни это. Запомни на всю жизнь!

И я запомнил.

...Мама рвала малофеевскую статью на мелкие клочки и приговаривала: «Русская литература научила людей плакать, советская научила не плакать. А чему может научить это литературное ничтожество?». («Свечка»)

В храме пришла идея романа! Стало быть, роман был угоден Богу!

Он напишет роман, чего бы ему это не стоило! Так он решил!

От житейских бурь, как мы знаем, обычно бегут. Вот и «глупый пингвин робко прячет тело жирное в утёсах»... И коллеги уговаривали не порывать с кино, предупреждали... «Им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает»...

«Мой роман о человеке, который пошел защищать демократию и встретил Бога. Эту фразу я сказал жене, когда энное количество лет назад сел перед ней на кухне и сказал, что хочу написать «повестушку», а может быть, даже и «романчик», но для этого мне придется уйти с работы. Посидев неподвижно и помолчав, думая, жена поднялась и с решительным выражением

лица сказала, как приказала: «Пиши!» – «А жить будем на что?» – вежливо поинтересовался я. «Проживем», – по-обещала она. («Свечка»)

Было труднее, чем представлялось вначале... Но он не сдавался! И вот, испытание, столкнувшись с его упорством, растёт, раздувается, ширится, становится злее... Но и писатель тогда ещё сильнее упирался...

Он нёс свой тяжелый крест, а ведь в начале пути ему казалось, он несёт не крест, а маленькую свечку.

Тут так и проситься прямо из пера на бумагу грустный каламбур. Судите сами: когда-то, перекрестившись, он взялся за маленькую свечку, чтобы донести до людей свой тяжёлый крест, но в виде массивной «Свечки».

Скоро он понял, что полугодком-годиком не ограничится. Не дрогнул. Понял, что выскажет правду, как есть на душе, обо всех, обо всём... Понял, никакой конъюнктуры и никакой политкорректности, никаких реверансов, никаких компромиссов! Хватит «наступать на горло собственной песни!» Он будет писать обо всём том, что наболело, без оглядки на: друзей, врагов, властителей, блюстителей, ревнителей... Всё как думает и понимает! Он уже почувствовал, этот роман, как исповедь, предполагает полнейшей искренности. Иначе не имеет смысла.

В романе масса такого, что нынешним властям могло не понравиться. Но он, предполагаю, успокаивал себя тем, что «эти» сейчас книг почти не читают, а если читают, то не всё понимают, а если понимают, то ничего из этого не боятся. Ну, вот же в романе всё сказано и о этом тоже: «Хотя власть боится меньше, по большому счету она у нас ничего не боится, кроме потери власти, которая для неё и цель и средство, на остальные страхи просто не остается ни времени, ни сил...».

Но скорее всего, он думал, что роман его вообще вряд ли кто опубликует. Слишком он большой, слишком классический, слишком острый, слишком умный, слишком уж...

«Я с самого начала знал, что мой роман никому не нужен – ни демократам, ни недемократам, ни православным, ни неправославным, а про остальных и подавно не говорю!

«Мне нужен», – это жена.

Ну вот так и будем жить – я буду писать, а ты будешь читать». («Свечка»)

Но роман издали. И автор смог облегчённо вздохнуть. А вернее, выдохнуть.

Значит, не зря он столько лет мучился. И мучил своими мучениями родных и близких... И самую родную и близкую...

«← Что ты тут делаешь? – вежливо поинтересовалась жена, увидев меня, распластанного навзничь на полу.

– Готовлюсь писать эпилог, – ответил я бодро и беззаботно.

Жена озабоченно вздохнула и стала загибать пальцы на руках, шевеля беззвучно губами, что-то считать.

«Что?» – спросил я встревоженным взглядом, не понимая, что она там считает: одолженные у друзей и знакомых деньги, которые непонятно как возвращать, или прожитые со мной годы, которые точно уже не вернешь?

Полная смущения и отчаяния, жена смотрела на меня, сжимая пухлые свои кулачки.

И я понял, что она считала, и не поверил.

«Неужели десять?» – беззвучно спросил я.

«Больше», – безмолвно ответила жена, и её такие родные, такие кроткие, такие любимые глаза наполнились слезами беспомощности и непонимания. Нет, она не хотела меня укорить, она лишь поразилась тому, как быстро летит время. Десять лет, целых десять лет, и даже больше, оказывается, я писал свой роман! Десять лет и даже больше я мучил его, он мучил меня, и вдвоем мы мучили эту несчастную женщину, которая кормила меня все эти годы, одевала, обувала, волосы на ушах и в носу состригала, вот только запивал я время от времени без её помощи и участия, но опять же на её кровно заработанные на трех работах деньги.

И мне стало стыдно, как же мне стало тогда стыдно!

– Мне один эпилог остался! – воскликнул я, как будто ничего не понял, и вскочил, чтобы обнять жену и расцеловать за прошлое и на будущее, но вновь кто-то невидимый, сильный и безжалостный, как стальной механизм, остановил меня сзади, сжал обручем черепушку и крутанул ещё резче, чем в первый раз, ещё быстрее, ещё злей...

Дальше была «скорая», больница, уколы, капельницы и диагнозы – высокие и трагические»... («Свечка»)

19

Я человек не религиозный. Я даже не могу сказать с уверенностью – верю ли я в Бога.

Может поэтому я так откровенно завидую той крепости веры, какая была у Валерия Александровича...

Я бы, наверное, тоже хотел бы верить так же искренне и сильно...

А ещё я хочу верить в то, что люди увидят, какой яркий, чистый свет исходит от «Свечки», а иначе может оказаться, что он понапрасну дал «Свечке» себя сжечь...

20

Я могу и ошибаться в моём анализе романа. Могу допускать неверную трактовку того или иного фрагмента. Это не имеет значения.

Эти ошибки мне дороги. И роман дорог тем, что я его так понимаю. Так, а не иначе.

А как там в финале романа?

«– Вы в самом деле считаете, что причиной всего стала свечка? – спросил он, по-прежнему склонив голову набок и ожидая ответа.

Клянусь, в тот момент я вспомнил пророчество городищенского алкаша, отговаривающего меня ехать в «Маяк»: «Или с ума сойдешь, или повесишься, или ещё хуже». Помню, я ещё подумал, с недоуменной усмешкой: «Что же это может быть – ещё хуже?»

«Вот оно – хуже», – не находя ответа, смутенно думал я.

Да, я считаю, считал и буду так считать, но, чёрт побери, что я мог тогда ответить?!

А вид у меня был, я думаю, жалкий...

В первой части «Свечки» я рискнул взглянуть на автора глазами героя, и был, прямо скажу, разочарован увиденным, – не таким себя представлял.

Вот и теперь, в конце...

Автор романа в глазах героя романа выглядел глупым и ничтожным.

Но, в самом деле, я не ожидал такого безжалостного, такого коварного вопроса от Золоторотова.

У меня хватило сил развести руками, пожать плечами и выдавить из себя жалкую улыбку, мол, что есть то есть...». («Свечка»)

Может роман вообще не о том, что мне увиделось.

Никто точно не знает.

Сам автор не знает полно и до конца – о чём роман! Так всегда было!

Я лишь хотел роман понять, и поделиться с вами моим «пониманием». Не знанием. А догадками, предположениями...

Мне кажется, что за одни только такие попытки автор «Свечки» был бы мне благодарен.

Нам было бы о чём поговорить...

А может, нам было бы о чём помолчать...

Но я бы, точно, не мучил бы его допросами: «а прав ли я?». А если б и сглупил спросить такое, то он бы сказал, что прав. Каждый прав. По-своему. Но я бы не стал. Честное слово!

Да и нельзя в двух словах рассказать и объяснить о чем написан роман!

«Это, говорят, когда Льва Толстого попросили одной фразой сформулировать содержимое «Войны и мира», он ответил, что если бы знал эту фразу, то только её бы и написал. Благодаря такому ответу (был он или нет – другой вопрос) я отличаю ту, великую русскую литературу от литературы этой, тоже, в общем-то, русской, постсоветской, российской, но совсем уж невеликой. Любой современный роман я могу уместить в одно, редко два предложения, а нередко и в одно слово, чаще непечатное» («Свечка»).

21

Я почти закончил, друзья и недруги...

Не удивлюсь, если со мной никто не согласится. Может, я ошибаюсь. И может, я заблуждаюсь говоря о всеобщем заблуждении...

Это не так уж принципиально для меня – убедить вас в моём виденье романа.

Уверен, каждый из думающих читателей увидит что-то своё!

И это самое лучшее, что может быть!

Пусть будет сотня мнений. И пусть одно мнение не имеет права отрицать право на существование другого мнения.

Я рад, что роман меня подтолкнул и на мысли, на желание их озвучить, поделиться ими с другими людьми.

22

Напоследок, я вновь слегка отклонюсь от темы. Уж очень хочется поделиться мыслью, нервно пульсирующей в глубине моего тёмного сознания, на протяжении последних нескольких часов: что скажут мамонты из «старой гвардии», привыкшее к классической форме критического анализа? Я почти слышу их ворчливо-недовольное брюзжание:

«Он сошёл с ума или просто издевается над нами? Разве можно так нагло и часто, и так далеко уходить за рамки заданной темы? И что вообще происходит? Эти его дурацкие шуточки... Если он претендует на серьёзное отношение к данной работе, то не следует допускать и тени иронии. А если он не может удержаться от ироничного тона и неуместных шуточек, тогда не брался бы за столь серьёзную тему. В конце концов, есть же элементарные правила и законы жанра...».

Уважаемые граждане ворчуны. Когда я пишу от души, то не желаю никаким образом себя ограничивать. Да, я не могу иначе. Уж такой я фулюган. Я люблю свободу до анархизма. Да, откровенно говоря, я потому и стал писателем, чтобы, работая, не иметь над собой никаких начальников и никакого давления со стороны. Что хочу, то творю. И когда хочу. И как хочу.

Я не признаю никаких правил, кроме, разве что, правил грамматики и орфографии.

К тому же, мне думается, что и Валерий Залотуха писал так – свободно, как хотелось, а не как было нужно, вольно, рискованно, смело отпустив себя, не сдерживая... Чтобы аж ветер в ушах от лихости своих мыслей...

Но только он не торопил себя. Ему спешить было некуда. Его ждала вечность.

И я позволил себе роскошь не ограничивать себя ни в чём! Ни во времени, ни в объёме, ни в стилистике, ни в полёте моих домислов и предположений!

И верю, что правильно сделал!

Да и удовольствие получил. Будто вновь, только вдумчиво, прочёл гениальный роман. (Я, собственно, и прочёл множество огромных кусков повторно, а некоторые, по несколько раз!)

Но и эта работа подходит к завершению...

Всё, как любой роман, либо заканчивается, либо обрывается...

Я бы мог оборвать мои размышления прямо здесь... Ведь и так уже всё, что хотел – всё сказал...

Но бьётся в лабиринте мозговых извилин мысль, которой я поделиться обязан...

23

Герой поставил в церкви, где венчался Пушкин (эпизод из жизни самого автора, именно тогда, как вы уже знаете, ему впервые пришла в голову идея романа), маленькую свечку, кажется, тут я не уверен, за упокой души великого поэта, а получилось, что «Свечка» оставлена Залотухой за здравие великой литературы. Аминь.

24

Резюмируя всё вышесказанное, хочу ознакомить вас с тем, что я написал сегодня утром у себя в фейсбуке:

А сегодня ночью, друзья, я дописал критический очерк, посвящённый роману «Свечка». Меня просили написать короткую рецензию, но, каюсь, как увлекла меня сама

книга, так увлёкся я, приступив к рецензии, разбором и анализом этого монументального романа из пяти книг, изданного в двух томах. Автор – Валерий Александрович Залотуха – работал над ним двенадцать лет! Двенадцать лет! А дописав, спустя несколько месяцев... умер.

Роман вошёл в «короткий список» премии «Большая книга». Однозначно заслуживает полной победы! Роман великий! При первой же возможности, не поленитесь, прочтите! Он того стоит!

Я должен был написать всего полторы страницы, но в рамках такой короткой рецензии мне стало тесно. Грандиозная книга Залотухи требовала от меня детального анализа. Иначе я бы не успокоился. В результате, Бог свидетель, исписав за неделю двадцать страниц, я слегка успокоился. (Правда, затем, решил себя подсократить, а то – сами понимаете – о двухтомнике можно и три тома накатать, а толку – ноль!) И так, успокоился. Но только «слегка». Об этом романе хочется думать, говорить и слушать... Он не отпускает! Будоражит душу, тревожит всякими «несвоевременными мыслями»...

Статью о романе выкладывать здесь пока не могу, но никто не мешает мне просто рекомендовать роман «Свечка» всем и каждому, кто любит Настоящую Литературу.

Читайте! И будем говорить! Будем рассуждать и спорить!

Низкий поклон великому прозаику XXI века Валерию Залотухе!

И Вечная Память...

